

МУСОР В НАУКЕ

© 2021 г. А. В. Юревич^{a,*}, М. А. Юревич^{b,**}

^a Институт психологии РАН, Москва, Россия

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

*E-mail: av.yurevich@mail.ru

**E-mail: mayurevich@fa.ru

Поступила в редакцию 17.02.2021 г.

После доработки 15.03.2021 г.

Принята к публикации 30.03.2021 г.

Проблема публикаций в “хищнических” изданиях активно обсуждается в научном сообществе, она привлекает внимание и государственных органов, ответственных за научно-техническую политику. В статье предпринята попытка оценить масштаб засорения мировой научной продукции не заслуживающими публикации статьями. В основу исследования положен список журналов и сборников регулярных конференций, исключённых из базы данных Scopus по причинам нарушения научной этики. Анализ публикаций, вышедших в этих изданиях в 2010–2019 гг., позволил выявить страны и научные направления, наиболее страдающие от деятельности издателей-хищников. Согласно результатам подсчётов, Россию проблема научного мусора не обошла стороной и наиболее остро проявилась в экономических, технических науках и некоторых областях медицинских наук. Авторами сформулированы выводы об источниках этой проблемы и тактике противодействия деятельности публикационных “хищников” со стороны государств. Ставится вопрос о том, как относиться к публикации в “мусорном” журнале и стоит ли проводить грань между “вынужденными” и “корыстными” публикациями в таких изданиях.

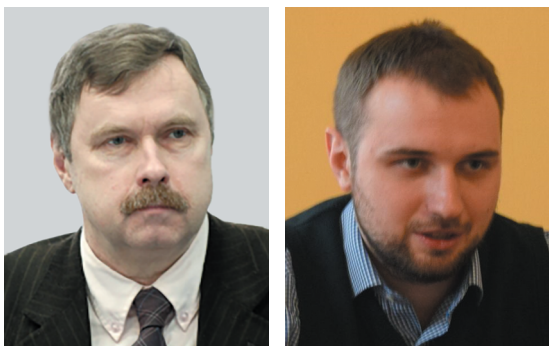
Ключевые слова: публикационная активность, “хищнические журналы”, “мусорные” публикации, чёрный список журналов, научная этика, библиометрия.

DOI: 10.31857/S0869587321080107

Около 10 лет назад американский библиотечник и библиотеквед Дж. Билл ввёл в научный обиход термин “хищнические журналы”¹, под которым он объединил издания, взимающие с ав-

торов плату за публикацию и пренебрегающие строгостью рецензирования поступающих рукописей [1]. Вначале этим нелестным титулом награждали только журналы открытого доступа, но затем рамки были расширены и для других научных изданий. Сами публикации, выходящие в таких изданиях, получили определение “мусорных” из-за их низкой содержательной ценности. За последнее десятилетие проблема накопления “научного мусора” получила широкую огласку и привлекла пристальное внимание не только научного сообщества. Несмотря на далеко неодинаковую степень её остроты в разных странах, утвердилось мнение, что её истоки лежат прежде всего в управленческой сфере [2].

Во многих странах мира, а с недавних пор и в России, политика финансирования университе-

ЮРЕВИЧ Андрей Владиславович – член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН, заведующий лабораторией психологии личности. ЮРЕВИЧ Максим Андреевич – научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ.

¹ Другие определения подобных журналов и публикаций: “хищные”, “мусорные”, “сомнительные”, “фейковые”, “токсичные”. Для смягчения эпитетов часто добавляются конвенциональные уточнения: “потенциально”, “имеющие признаки” и т.п. Далее в статье все подобные эпитеты, указывающие на нарушения научной этики, используются как синонимы.

тов и научных организаций строится на основе количественной оценки научной продуктивности, включая анализ публикационной активности [3]. Преимущества и недостатки подобного подхода активно и весьма остро обсуждаются в научном и управленческом сообществах, что уже привело, например в Австралии и Великобритании, к усилению роли экспертизы результатов исследовательского труда [4]. Тем не менее учёт количества публикаций, цитирований и связанных с ними показателей по-прежнему служит по сути основным инструментом оценки субъектов исследовательской активности во многих государствах.

В этих условиях университеты и научные организации взяли курс на стимулирование публикационной активности, в том числе и материальное, что, в свою очередь, спровоцировало публикационную гонку среди учёных [5]. Одно из следствий этого процесса состоит в том, что в погоне за количественными показателями научной деятельности в жертву приносится качество представляемых работ. Другое не менее печальное следствие — массовым поветрием становится стремление к публикации статей в “хищнических” журналах. По большому счёту, в таких изданиях есть возможность напечатать любой наукообразный текст, напрочь лишённый научной ценности, а иногда и хоть какого-нибудь смысла.

В ответ на усиление недобросовестной публикационной активности научные администраторы используют соответствующие средства защиты, в том числе ограничения по базам, индексирующим научные издания, “чёрные” и “белые” списки научных журналов, “белые” списки издательств, ограничения по квартилям и импакт-факторам журналов, проведение семинаров и распространение рекомендаций о принципах выбора изданий, лишение премий и другие карательные инструменты. Нечистоплотные издатели, в свою очередь, прибегают к более изощрённым способам маскировки признаков “хищничества”, к примеру, вводя “платные” специальные выпуски наравне с добросовестными регулярными номерами или разграничивая в каждом номере журнала “научную” и “прибыльную” часть [6].

Таким образом, факт замусоривания информационного потока глобальной науки, видимо, могут отрицать лишь бенефициары этого бизнеса, но масштаб проблемы пока не до конца ясен, и различные подходы к выделению круга “хищнических изданий” дают порой весьма значительный разброс оценок.

Масштаб проблемы. Среди многочисленных чёрных списков научных изданий, большинство из которых формируется на уровне стран или отдельных организаций, существуют два наиболее популярных: список упомянутого Дж. Билла и

список компании Cabell's [7]. Первый из них оказался, по сути, пионером в формировании перечней недобросовестных журналов. Начатый в 2008 г. он к середине 2010-х обрёл широкую известность и востребованность даже у международных баз публикаций. Но в 2017 г. Билл вынужден был прекратить обнародование своего чёрного списка из-за многочисленных жалоб, давления и угроз судебных разбирательств со стороны издателей журналов, упоминавшихся в списке. В настоящее время дело Дж. Билла продолжается усилиями анонимного энтузиаста, который постоянно актуализирует список, доведя его почти до 1500 наименований [8]. Перечень компании Cabell's впервые был представлен в 2017 г. В отличие от списка Билла, он распространяется исключительно на коммерческой основе, но зато насчитывает более 11 тыс. наименований (платный режим доступа обусловил его значительно меньшую популярность в наукометрических исследованиях).

Принципы составления обоих списков весьма схожи: принадлежность журнала к группе “хищников” определяется экспертным путём по более чем полусотне мягких критериев, включая качество рецензирования, внешней вид и содержание сайта, библиометрические показатели, наличие или отсутствие сведений о правовом статусе журнала, практике ретракции статей, руководств для авторов, информации о редакционном совете, об индексации в международных базах данных и т.п. Хотя недостаточная формализация и прозрачность процесса отбора журналов породили ряд критических высказываний в адрес обоих списков [9, 10], тем не менее они пользуются заслуженным признанием в мировом научном сообществе.

Так, на основе анализа журналов из списка Дж. Билла в работе [11] был продемонстрирован почти десятикратный рост “мусорных” публикаций с 2010 по 2014 г. Более половины авторов таких статей — выходцы из Азии, преимущественно из Индии. Один из выводов этого исследования состоит в том, что болезнь публикационного “хищничества” характерна для небольшого круга стран и пока не получила глобального размаха. Анализ выборки из 265 источников из того же чёрного списка подтвердил абсолютное первенство Индии среди стран с “токсичным” публикационным профилем: в 2014 г. почти 17 тыс. публикаций её представителей отнесены к “мусорным” [12]. Была проведена серия исследований, касающихся “мусорной” проблемы в отдельных научных областях или странах. Например, проанализировано содержание 32 биомедицинских журналов, выпускавшихся издателями из списка Дж. Билла [13]. С 2007 по 2012 г. в них было опубликовано более 5.5 тыс. работ, авторами свыше половины из них стали представители азиатских стран. Доминирование азиатских учёных среди

авторов публикаций в “сомнительных” биомедицинских изданиях показано и в последующих исследованиях [14].

В области экономических наук странами-лидерами по числу “токсичных” публикаций оказались Иран, США и Нигерия [15]. Изучение публикационного ландшафта Бразилии в интервале с 2000 по 2015 г. позволило выявить экспоненциальный рост публикаций в журналах из чёрного списка Билла в последние пять лет [16]. В те же годы было замечено стремительное увеличение числа “мусорных” публикаций в ЮАР [17]. Судя по выборке итальянских учёных, 2010 г. стал стартовым для роста “мусорного” публикационного потока в стране, а наибольший вклад в него внесли социальные и гуманитарные дисциплины, в особенности экономическая наука [18]. Любопытно, что немалая часть “хищнических” изданий имеет прописку в США и Великобритании, однако подавляющее большинство их авторов представлено выходцами из азиатских и африканских стран, то есть “токсичные” журналы имеют ярко выраженную экспортную ориентацию [19].

Российские учёные внесли как минимум не меньший вклад в оценку масштаба проблемы “мусорных” публикаций. И.А. Стерлигов и Т.Ф. Савина на основе списка Билла и перечня исключённых из Scopus по причинам нарушения научной этики изданий выявили, что к 2015 г. в базе Scopus Индия занимала лидирующую позицию по числу публикаций в “хищнических” изданиях, а Россия, вслед за Китаем, заняла третью строчку [20]. По доле “мусорных” публикаций в общем потоке с заметным отрывом лидировала Индонезия, российские авторы примерно одну из четырнадцати статей публиковали в сомнительных изданиях. Рост “мусорных” российских публикаций отчётливо наблюдается с 2012 г. В следующем исследовании, проведённом tandemом авторов из НИУ ВШЭ, список “потенциально хищнических” изданий расширен с 531 до 637 наименований [21]. По оценкам тех же авторов, с 2011 по 2018 г. странами-лидерами по “мусорному” публикационному потоку стали Индия и Китай (почти по 100 тыс. публикаций), Россия заняла седьмое место с почти 17 тыс. статей в “хищнических” журналах. По соотношению статей в добросовестных и “сомнительных” журналах рекордсменом стал Казахстан – в 2013–2014 гг. количество публикаций в тех и других сравнялось. Высокие значения “замусоренности” (более трети общего числа статей) в разные годы были зафиксированы у Индонезии, Ирака и Нигерии; максимальные значения для России пришлись на 2015 и 2016 гг. – более 8% статей. Среди научных направлений по абсолютному количеству “мусорных” публикаций пальма первенства принадлежит инженерным и медицинским наукам (об-

щая их категория); по доле статей из “хищнических” изданий наихудшие результаты были выявлены для междисциплинарных наук (пиковое годовое значение – 27.3%), категории “фармакология, токсикология и фармацевтика” (13.3%), а также экономических наук (12.6%).

Сотрудники ГПНТБ СО РАН применили аналогичный подход вычленения “мусорных” журналов для анализа публикационной активности вузов-участников Проекта 5–100 в период 2010–2016 гг. [22, 23]. Результаты исследования показали, что более 10% опубликованных за эти годы работ пришлось на “хищнические” издания, а в случае одного из федеральных университетов эта доля достигла почти половины. При этом около половины обследованных университетов последовательно противостоят соблазну улучшить свой публикационный профиль при помощи изданий с сомнительной репутацией (у них доля “мусорных” публикаций не превышает 5%).

В 2020 г. Комиссией РАН по противодействию фальсификации научных исследований был выпущен отчёт “Иностранные хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы”, получивший широкий общественный резонанс [24]. Авторы исследования изучили различные проявления недобросовестной публикационной активности, включая “переводной плагиат” – использование чужих научных трудов на русском языке и машинный перевод для публикации в иностранных изданиях. В основу работы лёг перечень 94 “хищнических” зарубежных журналов с индексацией в Web of Science Core Collection или Scopus. Методика их отбора существенно сложнее рассмотренных ранее примеров. Помимо использования экспертных процедур, был составлен реестр “подозрительных” журналов, в которых публиковались авторы статей из общеизвестных “мусорных” изданий, а также выделен круг изданий со взрывным ростом публикаций российских авторов; издания проверены и при помощи разработанного алгоритма определения “фиктивных коллабораций”. Как итог, в отобранных “хищнических” изданиях российские авторы с 2010 по 2019 г. опубликовали 23.7 тыс. статей, максимум – более 5 тыс. – пришёлся на 2018 г.

“Мусорные” публикации в базе данных Scopus. Принцип отбора “фейковых” изданий. Как следует из предыдущего раздела, оценки масштаба “мусорного” коллапса в мировой науке сильно варьируются в зависимости от принципа выделения “хищнических” изданий. С одной стороны, логично предположить, что составители чёрных списков скорее склонны включать в них максимально возможное количество сомнительных источников. С другой – базы публикаций, отслеживающие качество контента (такие, как Web of Sci-

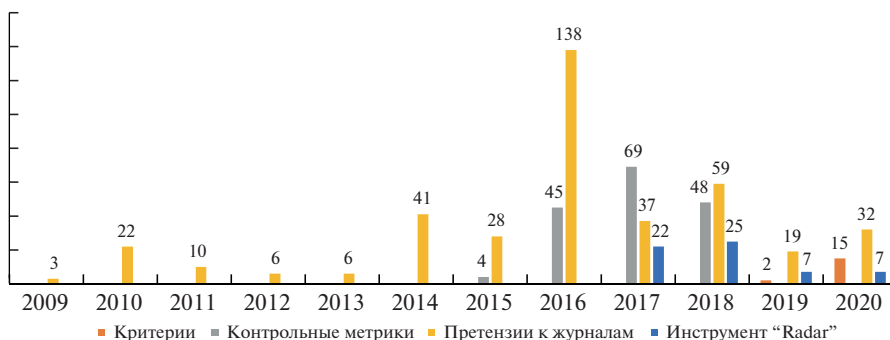

Рис. 1. Динамика количества исключённых из Scopus изданий по типам причин
Журнал “Вестник РАН” с цветными изображениями размещается в открытом доступе на сайте ИКЦ “Академкнига” <https://sciencejournals.ru/journal/vestnik/>. Для доступа к полным текстам журнала не требуется регистрации.

ence или Scopus), наоборот, прибегают к исключению журналов, по всей видимости, только при самых явных и дерзких нарушениях публикационной этики. В противном случае владельцы баз несли бы излишние финансовые и репутационные издержки. Иными словами, если уж журнал был исключён из базы по причинам “хищнического” поведения, то он почти наверняка засветился и в чёрных списках.

Большое количество исследований посвящено сравнению баз публикаций Web of Science и Scopus, в том числе и их релевантности для формальной оценки научной продуктивности. Каждая из баз обладает с этой точки зрения своими достоинствами и недостатками из-за различных стратегий формирования контента. Web of Science ввела принцип сегрегации индексов, установив достаточно жёсткие требования к журналам для вхождения в основные три индекса (SCI, SSCI и ANCI), при этом проводя относительно либеральную политику в отношении индекса-инкубатора ESCI, не говоря уже о национальных индексах научного цитирования. База Scopus состоит из единого публикационного массива без выделения каких-либо подкатегорий. Критерии индексации журналов считаются достаточно мягкими, что, по многим оценкам, привело к размножению “хищнических” журналов в базе. Учитывая этот факт, именно Scopus выглядит более подходящим для анализа масштаба “мусорной” проблемы, хотя необходимо иметь в виду, что в последние годы в базе данных проведена впечатляющая работа “по вынесению мусора”, то есть удалению сомнительных источников (рис. 1).

Согласно политике Scopus, журнал может быть исключён из базы по следующим четырём причинам [25].

1. Невыполнение “мягких” требований, к которым относятся соблюдение периодичности выпуска издания, качество сайта, географическое

разнообразие состава авторов и членов редколлегии, ясность аннотаций и т.п.

2. Непрохождение периодического мониторинга контрольных метрик: самоцитирование, общее цитирование, CiteScore (разновидность импакт-фактора), количество статей, кликов на тексты статей и просмотров аннотаций. Все метрики рассматриваются относительно средних значений журналов в рамках одной научной области.

3. Попадание на “Радар” — алгоритм, который отслеживает аномальные выбросы роста числа публикаций и самоцитирований, изменения географической принадлежности авторов и т.д.

4. Претензии к изданиям, возникающие со стороны научного сообщества, издателей или самого Scopus.

Важно отметить, что решения об исключении журнала из списка принимаются экспертным советом, и указанные причины служат лишь сигналом для более пристального рассмотрения издания. Очевидно, что первая причина исключения едва ли может быть связана с недобросовестным поведением журнала. Критерии, перечисленные во втором пункте (без учёта самоцитирований, которые зачастую накручиваются специально), отражают востребованность контента, и отклонение метрик от средних значений скорее указывает на уход журнала от научного мейнстрима или на наличие других, не относящихся к “хищнической” деятельности обстоятельств. В четвёртую группу попадают издания, пренебрегающие принципами научной этики; во всех ранее упомянутых исследованиях при выявлении “хищников” через Scopus использовалась именно эта категория. Попадание на “Радар”, наоборот, обычно не рассматривается в качестве симптома “мусорности”, хотя основной целью этого инструмента является как раз отслеживание практик недобросовестной публикационной активности. Поэтому, на наш взгляд, третья причина на-

Рис. 2. Количество “мусорных” публикаций и их доля в мировом и российском публикационных потоках

равне с четвёртой может быть использована для выявления “хищнических” изданий. Кроме того, в предыдущих исследованиях в фокус попадали в основном научные журналы, а сборники тезисов конференций, за редким исключением, игнорировались. Учитывая, что по содержанию и объёму научные статьи и тезисы порой различаются незначительно, а в рамках некоторых систем оценки научного труда и вовсе приравниваются, целесообразно рассмотреть оба типа источников.

Дальнейший анализ строится на предпосылке о неизменном качестве материалов, опубликованных в научном издании с “мусорным” ярлыком. То есть, если журнал был исключён из БД Scopus, например, в 2018 г., то все ранее вышедшие статьи в этом журнале признаются “мусорными”. Вполне вероятно, что для некоторых изданий это допущение не соответствует реальности. История знает случаи, когда добросовестный и уважаемый в научном сообществе журнал, к примеру, из-за смены учредителя, значительно обновляет редакционный совет, что приводит к либерализации содержательных требований к подаваемым авторами рукописям, стремительному росту публикации статей “по знакомству” или за финансовую “помощь” издателю, что в конечном счёте уничтожает заслуженную ранее репутацию. Однако длительность периода индексации в Scopus исключённых журналов говорит о редкости таких случаев. Срок индексации “мусорных” журналов в основном не превышает 5–7 лет, что даёт право представить эти издания в виде коммерческих проектов с циклом “вошли в базу – заработали – исключены из базы”.

Результаты оценки. Итак, по состоянию на декабрь 2020 г., из Scopus исключены 462 научных журнала и серий сборников тезисов из-за низкого качества публикуемых материалов и/или нарушения научной этики (причины: попадание на “Ра-

дар” и претензии к изданиям) [26]. Задав ID этих изданий в поисковой форме интерфейса Scopus, мы получили следующие результаты. С 2010 г. по 2019 г. было издано около 715 тыс. работ: порядка 430 тыс. статей, более 260 тыс. тезисов конференций, свыше 13 тыс. обзоров и др. С аффилиацией к российским организациям опубликовано более 30.5 тыс. работ, из них около 8.5 тыс. тезисов конференций. Общемировой поток “мусорных” публикаций показывал устойчивый рост до 2014 г., то есть до даты, когда БД Scopus всерьёз приступила к очистке базы от “хищников” (рис. 2). В России максимальный уровень “хищничества” был достигнут в 2016 г., когда вал российских публикаций в “мусорных” источниках вырос почти в 15 раз по сравнению с 2012 г. Судя по высокой волатильности этого показателя, российские авторы проявляют завидное усердие в поиске всё новых “сомнительных” журналов, которые, правда, через некоторое время прекращают индексироваться в Scopus (см. рис. 2).

В среднем за рассматриваемый период примерно одна из сорока научных работ в мире была опубликована в фейковых источниках. Антирейтинг стран по “мусорной” публикационной активности в целом соответствует проведённым ранее исследованиям (на рисунке 3 указаны страны с более чем 5 тыс. “мусорных” публикаций). Пожалуй, наиболее существенное отличие состоит в лидирующей позиции, причём с большим отрывом, Китая, что объясняется особой востребованностью “хищнических” сборников тезисов конференций у китайских авторов (около трети четвертей всех “мусорных” публикаций составляют тезисы). Также высокие значения доли “мусорных” публикаций в национальном потоке отмечаются для Малайзии (12.4%), Индонезии (13.6%), Нигерии (10.5%), Ирака (18.9%) и Казахстана (20.7%). Россия в этом плане имеет не столь удручающие результаты (4.3%), хотя по валу та-

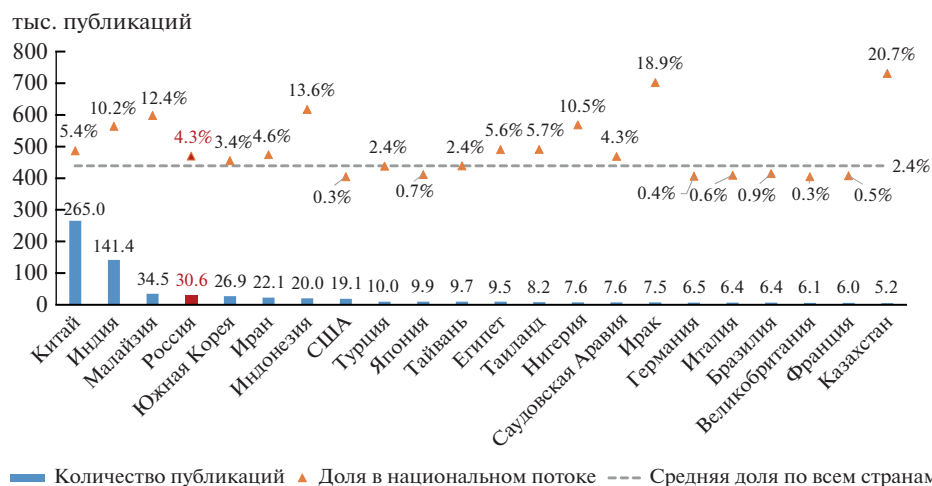

Рис. 3. Количество «мусорных» публикаций и их доля в национальных публикационных потоках за 2010–2019 гг.

ких статей занимает прочное четвертое место. Из всех стран самым неожиданным можно признать положение Южной Кореи (пятое место в антирейтинге стран по валу «мусорных» публикаций), власти которой уже обратили должное внимание на эту проблему и препятствуют участию корейских учёных в «сомнительных» конференциях [27].

В таблице 1 отражена сводная статистика публикационной активности российских авторов в «хищнических» изданиях в разрезе научных направлений по классификатору Scopus ASJC. Самая удручающая ситуация в России наблюдается в области двух смежных направлений — экономики и управленческих наук: примерно одна из трёх публикаций приходится на «токсичные» издания. Кроме того, высокая доля «мусорных» публикаций наблюдается по междисциплинарным исследованиям и по направлению «фармакология, токсикология и фармацевтика». При этом по медицинским наукам в целом, наоборот, «мусорные» публикации очень редки. Вдобавок важно подчеркнуть, что в России лидерство инженерных наук по валу «мусорных» работ полностью коррелирует с общемировой ситуацией, а по социальным (общая категория) и гуманитарным наукам российский публикационный поток по уровню «замусоренности» выглядит значительно хуже общемирового.

Наконец, нельзя обойти вниманием тот факт, что внушительное количество публикаций в «токсичных» изданиях сопровождается ссылкой на грантовую поддержку со стороны национальных фондов. В частности, информацию о грантах Национального фонда естественных наук Китая содержит не менее 16 тыс. публикаций, Национального исследовательского фонда Кореи — 2.5 тыс.; Японского общества содействия развитию

науки — 1.3 тыс., РФФИ — 1.1 тыс. Как минимум 1 тыс. публикаций имеет отсылку к Минобрнауки России, а порядка 600 работ были изданы в рамках грантов РНФ². Эти цифры практически повторяют результаты исследования Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований: «примерно в 10% случаев статьи в журналах-хищниках опубликованы на деньги научных фондов, таких как РНФ и РФФИ (РГНФ)» [24].

Осознание проблемы «мусорного» коллапса. Полученные результаты заставляют обратить внимание на несколько обстоятельств. Первое из них — широкое распространение «мусорных» публикаций. Хотя в середине 2010-х годов проблема «замусоривания» считалась локальной и временной [11], оптимистичный прогноз на её преодоление не подтвердился. Следовательно, и в настоящее время велик ущерб от имитации исследовательской деятельности в виде: бесцельной растраты средств (зачастую бюджетных); несправедливого распределения вознаграждения научных работников; засорения научного потока «мусорными» статьями; деформации этики научного сообщества. Дать оценку прямых потерь от «мусорной» проблемы в российской и мировой науке весьма затруднительно, хотя бы потому, что ценник на «токсичные» публикации сильно варьируется (от сотен до двух–трёх тыс. долл. [28]). Если прибегнуть к совсем грубой оценке, то, по нашему мнению, ежегодно «в трубу» уходит не менее нескольких сотен млн рублей. При этом надо учитывать, что применённый нами подход для выявления «мусорных» изданий мог сопровождаться как завышением количества «сомнительных»

² Эти данные были получены по встроенному признаку Scopus «Финансирующий спонсор». При более скрупулёзном анализе цифры, скорее всего, будут выше.

Таблица 1. Дисциплинарная структура “мусорных” публикаций в России и в мире за 2010–2019 гг.

Научное направление	Количество российских публикаций в “хищнических” изданиях, тыс. ед.	Доля “мусорных” публикаций в российском потоке, %	Доля “мусорных” публикаций в мировом потоке, %
Инженерные науки	11.2	7.7	6.2
Социальные науки	6.6	13.8	1.8
Химия	5.1	5.5	2.1
Науки о материалах	5.0	3.9	1.7
Экономика, эконометрика и финансы	4.7	32.9	4.6
Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учёт	3.9	28.2	4.4
Искусство и гуманитарные науки	3.7	14.4	1.6
Физика и астрономия	2.8	1.3	1.0
Фармакология, токсикология и фармацевтика	2.7	25.4	6.3
Биохимия, генетика и молекулярная биология	2.6	4.7	2.4
Междисциплинарные науки	2.4	28.0	3.8
Компьютерные науки	2.0	3.2	2.2
Науки об окружающей среде	1.9	5.2	2.3
Науки о принятии решений	1.5	17.1	2.3
Химическое машиностроение	1.1	3.2	2.4
Математика	1.0	1.4	1.7
Сельскохозяйственные и биологические науки	0.6	1.5	1.4
Медицина	0.2	0.4	0.7
Энергетика	0.2	0.5	1.3
Науки о Земле и планетах	0.2	0.2	1.0
Иммунология и микробиология	0.1	0.6	1.6
Неврология	0.0	0.1	0.1
Профессии в сфере здоровья	0.0	0.0	1.0
Психология	0.0	0.2	0.1
Сестринское дело	0.0	0.7	0.6
Ветеринария	0.0	1.9	2.3
Стоматология	0.0	0.0	0.7

публикаций, так и их занижением. Завышение могло произойти из-за принятого допущения о постоянном качестве контента в выведенных из Scopus изданиях, а также ошибочного исключения источников из Scopus (в это верится с трудом). Погрешность в другую сторону куда более вероятна. Scopus ежегодно дисквалифицирует издания по причине нарушения научной этики, и, соответственно, журналы, которые могут быть исключены в 2021-м и последующих годах, дадут прибавку к количеству “мусорных” публикаций за предыдущие годы. Напрашивается вопрос, почему же Scopus не способен удалить все “токсичные” источники сразу? Видимо, причин несколько: пересматриваются и ужесточаются критерии “хищничества”, журналы умело камуфлируют нечистоплотные практики, следует допустить и возможность деградации журналов.

Второе обстоятельство. Возникновение самой проблемы имитации научной деятельности неизменно связывают с внедрением “палочной” системы оценки научной продуктивности, когда форма научного результата превалирует над его содержанием [29, 30]. И с этим трудно не согласиться. При этом нельзя не подчеркнуть, что в России, где сложились примерно одинаковые механизмы измерения научной результативности во всех научных областях, наблюдается высочайшая степень поляризации уровня “замусоренности” публикационного потока в зависимости от дисциплины. С одной стороны, можно предположить, что в каких-то науках (например, в физике) нормы этики научной деятельности непререкаемы и оберегаются коллегами, а в других науках этические принципы не устояли перед соблазном “сравнительно честных” способов публикации (прежде всего в экономических науках и фармакологии). С другой стороны, выглядит вполне правдоподобной гипотеза о принуждении к участию в “мусорном производстве”.

Если рассмотреть две относительно близкие социальные науки — психологию и экономику — то, согласно расчётам, экономика — один из лидеров, а психология, напротив, полный аутсайдер рейтинга “замусоренности”. Российская психология в международных базах публикаций (и в SSCI WoS, и в Scopus) уже долгие годы представлена журналами “Вопросы психологии” и “Психологический журнал”, а в последние несколько лет к ним в Scopus присоединились ещё пять изданий. По экономике в “старшем” индексе WoS от России нет ни одного издания, а в Scopus активная экспансия началась в последние два—три года. Конечно, возникает мысль о мировом уровне изысканий отечественных психологов при сильном отставании от этой планки российских экономистов, но это крайне спорный аргумент. Как бы то ни было, согласно Росстату, численность экономистов превышает число психологов

более чем в 6 раз [31], и неизбежно создаётся ситуация острого дефицита публикационных возможностей в отечественных экономических журналах. Таким образом, для прохождения, скажем, периодической аттестации некоторые экономисты просто вынуждены прибегать к услугам зарубежных “хищников”, в то время как психологи закрывают публикационные потребности благодаря отечественным изданиям. Но это оправдание, естественно, никоим образом не применимо в отношении нечистоплотных авторов, использующих “мусорные” журналы для получения премий и иных способов обогащения. То есть необходимо разделять вынужденные и корыстные “хищнические” публикационные стратегии учёных.

Естественно, публикация в “мусорных” журналах не компрометирует учёного. Он может не знать о том, что журнал — “мусорный”, не придавать этому обстоятельству значения. Однако большое количество публикаций именно в “мусорных” журналах, наверное, должно наводить на мысль о нечистоплотности учёного и давать основания его коллегам или проверяющим органам насторожиться.

Третье обстоятельство. В странах, принявших и осознавших проблему “мусорного” коллапса в национальной науке, уже на государственном уровне предпринимаются меры по противодействию деятельности “хищников”. Например, в 2020 г. китайский регулятор выпустил два документа, в рамках которых были пересмотрены принципы оценки труда учёных в сторону ухода от наукометрических к экспертным процедурам (в частности, показатели публикационной активности перестали применяться в прикладных инженерных и медицинских исследованиях). Вдобавок, при аттестации отдельных учёных или организаций в целом рассматривается не вся совокупность выпущенных работ, а лишь выборка лучших из них, как минимум треть из которых должна быть опубликована в отечественных источниках [32]. Индия в 2017 г. нанесла сокрушительный удар “хищническому” бизнесу, когда Комиссией по университетским грантам (распорядитель бюджетных средств с надзорными функциями) был опубликован национальный “белый” список научных изданий, за пределами которого оказались несколько тысяч изданий с сомнительной репутацией [33]. В России пока противодействие публикационным “хищникам” ведётся скорее на местах без особой поддержки госорганов, ответственных за научно-техническую политику в стране (исключение — строгие предупреждения участникам Проекта 5—100, явно злоупотребившим услугами “хищников”) [34]. Что касается России, как представляется, заметный вклад в противодействие хищническим изданиям могло бы внести повышение роли списка

журналов, входящих в Индекс цитирования Russian Science Citation Index (RSCI), в оценке результативности научной деятельности. Несмотря на то, что RSCI тщательно верифицируется и корректируется усилиями научного сообщества, во многих системах оценки он позиционируется как “младший” по отношению к Scopus или Web of Science Core Collection. По сути это означает, что ценность статей, опубликованных в журналах, индексируемых в RSCI, меньше, чем статей из журналов, присутствующих в “старших” базах.

Наконец, нельзя не отметить успехи Scopus в очистке базы от “токсичных” изданий. Но сотни исключённых из базы данных источников — свидетельство неблагоприятного состояния, в котором она пребывала в последние годы. Соответственно, системы оценки научного труда, ориентированные на учёт публикаций в Scopus, продолжительное время давали искажённые результаты, нанося вред учёным и развитию науки в целом. Из этого тезиса следует вопрос, в достаточной ли мере база публикаций Scopus исцелилась от проклятия “мусорных” журналов, чтобы продолжать её использование для оценки научных результатов?

И в заключение о том, как вообще относиться к представленной здесь информации. В отечественной науке существует точка зрения, согласно которой все данные Wos/Scopus вообще не заслуживают внимания, ориентироваться следует на показатели, порождённые самой российской наукой, в то время как на деле реализуемая в стране научно-техническая политика основана на приоритете международных ориентиров и противоположна национальным интересам. Если даже эта точка зрения, имеющая под собой веские основания, верна, то большое количество публикаций российских учёных в журналах, признаваемых международными организациями “мусорными”, служит индикатором явления, на которое стоит обратить внимание.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект “Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход”, соглашение № 075-15-2020-798).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Beall J.* “Predatory” open-access scholarly publishers // *The Charleston Advisor*. 2010. V. 11. № 4. P. 10–17.
2. *Gasparyan A.Y. et al.* The pressure to publish more and the scope of predatory publishing activities // *Journal of*

3. *Hicks D.* Performance-based university research funding systems // *Research policy*. 2012. V. 41. № 2. P. 251–261.
4. *Williams K., Grant J.* A comparative review of how the policy and procedures to assess research impact evolved in Australia and the UK // *Research Evaluation*. 2018. V. 27. № 2. P. 93–105.
5. *Юревич М.А., Еркина Д.С.* “Публикационное ралли”: прямая угроза или новые возможности для научного сообщества? // *Социология науки и технологий*. 2017. № 2. С. 104–117.
6. *Dadkhah M., Bianciardi G.* Ranking predatory journals: solve the problem instead of removing it! // *Advanced pharmaceutical bulletin*. 2016. V. 6. № 1. P. 1–4.
7. *Strinzel M., Severin A., Milzow K., Egger M.* Blacklists and whitelists to tackle predatory publishing: a cross-sectional comparison and thematic analysis // *MBio*. 2019. V. 10. № 3. <https://mbio.asm.org/content/10/3/e00411-19> (дата обращения 08.04.2021).
8. Beall’s list of potential predatory journals and publishers. <https://beallslist.net/>
9. *Strielkowski W.* Predatory publishing: What are the alternatives to Beall’s list? // *The American journal of medicine*. 2018. V. 131. № 4. P. 333–334.
10. *Crawford W.* Ethics and access 1: The sad case of Jeffrey Beall // *Cites & insights*. 2014. V. 14. № 4. P. 1–14.
11. *Shen C., Björk B.C.* ‘Predatory’ open access: a longitudinal study of article volumes and market characteristics // *BMC medicine*. 2015. V. 13. № 1. P. 1–15.
12. *Erfanmanesh M., Pourhossein R.* Publishing in predatory open access journals: A case of Iran // *Publishing Research Quarterly*. 2017. V. 33. № 4. P. 433–444.
13. *Nwagwu W.E., Ojemeni O.* Penetration of Nigerian predatory biomedical open access journals 2007–2012: A bibliometric study // *Learned Publishing*. 2015. V. 28. № 1. P. 23–34.
14. *Xia J., Harmon J.L., Connolly K.G., Donnelly R.M. et al.* Who publishes in “predatory” journals? // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2015. V. 66. № 7. P. 1406–1417.
15. *Wallace F.H., Perri T.J.* Economists behaving badly: publications in predatory journals // *Scientometrics*. 2018. V. 115. № 2. P. 749–766.
16. *Perlin M.S., Imasato T., Borenstein D.* Is predatory publishing a real threat? Evidence from a large database study // *Scientometrics*. 2018. V. 116. № 1. P. 255–273.
17. *Mouton J., Valentine A.* The extent of South African authored articles in predatory journals // *South African Journal of Science*. 2017. V. 113. № 7–8. P. 1–9.
18. *Bagues M., Sylos-Labini M., Zinovyeva N.* A walk on the wild side: ‘Predatory’ journals and information asymmetries in scientific evaluations // *Research Policy*. 2019. V. 48. № 2. P. 462–477.
19. *Xia J.* Predatory journals and their article publishing charges // *Learned Publishing*. 2015. V. 28. № 1. P. 69–74.
20. *Sterligov I., Savina T.* Riding with the metric tide: Predatory journals in Scopus // *Higher Education in Russia and Beyond*. 2016. V. 1. № 7. P. 9–12.

21. *Savina T., Sterligov I.* Prevalence of potentially predatory publishing in Scopus on the country level // arXiv preprint:2003.08283. 2020.
22. *Гуськов А.Е., Косяков Д., Селиванова И.В.* Стратегии повышения публикационной активности университетов-участников Проекта 5–100 // Научные и технические библиотеки. 2017. № 12. С. 5–18.
23. *Guskov A.E., Kosyakov D.V., Selivanova I.V.* Boosting research productivity in top Russian universities: the circumstances of breakthrough // *Scientometrics*. 2018. V. 117. № 2. P. 1053–1080.
24. Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований. Иностранцы хищные журналы в Scopus и WoS: переводной плагиат и российские недобросовестные авторы. 2020. <https://kpfran.ru/wp-content/uploads/plagiarism-by-translation-2.pdf>
25. Elsevier. Ваш журнал в Scopus. <https://elsevier-science.ru/info/add-to-scopus/> (дата обращения 15.01.2021).
26. Elsevier. Discounted sources from Scopus. https://www.elsevier.com/__data/assets/excel_doc/0005/877523/Discontinued-sources-from-Scopus.xlsx (дата обращения 15.01.2021).
27. *Sonne C., Ok Y.S., Lam S.S. et al.* First predatory journals, now conferences: The need to establish lists of fake conferences // *Science of the Total Environment*. 2020. V. 715. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0048969720305003> (дата обращения 08.04.2021).
28. *Lund B., Wang T.* This is NOT spam!: An analysis of predatory publication invitations in library and information science // *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. 2020. V. 57. №. 1. <https://asistdl.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/pr2.344> (дата обращения 08.04.2021).
29. *Gläser J., Lange S., Laudel G., Schimank U.* The limited use of research evaluation systems for managerial control in universities // *Reconfiguring knowledge production: Changing authority relationships in the sciences and their consequences for intellectual innovation*. 2010. P. 149–183.
30. *Rijcke S.D., Wouters P.F., Rushforth A.D. et al.* Evaluation practices and effects of indicator use – a literature review // *Research Evaluation*. 2016. V. 25. № 2. P. 161–169.
31. Росстат. Наука и инновации. <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения 15.01.2021).
32. *Zhang L., Sivertsen G.* The new research assessment reform in China and its implementation // *Scholarly Assessment Reports*. 2020. V. 2. № 1. <https://www.scholarlyassessmentreports.org/articles/10.29024/sar.15/> (дата обращения 08.04.2021).
33. *Patwardhan B., Nagarkar S., Gadre S.R., et al.* A critical analysis of the 'UGC-approved list of journal' // *Current Science*. 2018. V. 114. № 6. https://www.researchgate.net/publication/323942993_A_Critical_Analysis_of_the_'UGC-Approved_List_of_Journals' (дата обращения 08.04.2021).
34. Ливанов: Минобрнауки сократит финансирование вузам за “мусорные публикации”. <https://tass.ru/obschestvo/2359414> (дата обращения 15.01.2021).